

Виктор Казаков

Игра на деньги

Виктор Казаков

Игра на деньги

«Книга-Сэфер»

2015

Казаков В.

Игра на деньги / В. Казаков — «Книга-Сэфер», 2015

...В повести «Игра на деньги» – в основе своей автобиографической – продолжается исследование постоянной в творчестве В. Казакова темы: социально – политические условия жизни людей и нравственность общества. Автор убежден, что «коммунистическое воспитание» утомило, глубоко и не в лучшую сторону исказило души соотечественников, наверно, это – основная мысль всех произведений Виктора Казакова; об этом он рассказывает правдиво, часто с юмором, но – отметим это как одно из бесспорных достоинств – без мелкого подхихикивания и злорадства, а скорее с добрым сердцем и сочувствием. В. Казаков любит и своих героев, и страну, где они живут. Семьдесят лет длилась их общая беда.

Содержание

Об авторе	6
Глава первая. Первоначальный капитал	7
Глава вторая. Окно в Европу	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктор Казаков

Игра на деньги

© Виктор Казаков, 2015

© Издательство «Книга – Сефер»

* * *

Об авторе

Виктор Казаков – московский писатель. Родился в 1931 году в белорусском городе Климовичи в семье военнослужащего. Отец, в начале Отечественной войны служивший на границе у Белостока, погиб, мать с двумя детьми в июле 41-го эвакуировалась в Сибирь. Здесь, в шахтерском городе Прокопьевске, В. Казаков закончил десятилетку.

В 1953 году получил красный диплом об окончании филологического факультета Кишиневского университета, после чего несколько лет работал педагогом, потом в различных провинциальных, республиканских и московских изданиях. В качестве журналиста побывал в длительных командировках во многих регионах России и в большинстве республик бывшего Союза. Во второй половине 80-х годов, в период горбачевской Перестройки, возглавлял отдел публицистики и был членом редколлегии писательского журнала «Новый мир». Был принят в Союз писателей СССР.

В. Казаков – автор более десяти книг о современной жизни. Сейчас живет в Праге. В Чехии на русском языке в 2008 году вышел трехтомник писателя, пятая книга (две повести) увидела свет в конце 2011 года, шестая (две повести, документальные рассказы) – в 2014 году.

*Посвящаю Касьяновой Людмиле Ивановне – актрисе
и журналисту*

Глава первая. Первоначальный капитал

1

За два дня до намеченного нами отъезда в стране подорожал бензин – «девьяносто третий», на котором бегал наш старенький, но все еще казавшийся надежным «Форд», – почти вдвое. Услышав по телевизору эту неприятную новость, моя жена Танька, в упор пронзив меня отчаянным взглядом, – синева ее глаз в ту минуту стугилась до цвета вороненой стали, – боком выпорхнула из все еще освещенной экраном телевизора гостиной и крепко закрыла за собой дверь в спальню.

С Танькой мы женаты больше двадцати лет, и я легко представил себе, что последовало за дверью в спальне.

Сначала Танька, горько всхлипывая, солеными ручьями смачивала большую, когда – то подаренную нам тещей подушку; потом, несколько умерив ручьи, громким шепотом, не стесняясь слов ненормативной лексики и с обострившейся в ту минуту откровенностью стала подробно рассказывать подушке, что она думает о президенте страны, спикере парламента, правительстве и лично министре финансов, который два дня назад по той же вечерней телевизионной программе клятвенно обещал не повышать цены на бензин («наша страна надежно обеспечена запасами нефти!») и, помню, сняв очки, даже бил себя кулаком в тощую, укрытую широким красным в горошку галстуком грудь. Закончив разговор с подушкой, Танька вытерла слезы и только после этого стала думать о главном.

Минут через пятнадцать уставшая, но заметно воспрянувшая и телом, и духом, Танька вышла из спальни. Глаза ее уже восстановили свою природную синеву, но маленький носик распух и ярко горел на побледневшем лице. В левой руке Танька держала большое мокрое полотенце, а в правой ее руке, отсвечивая зеленые лучи горевшего в углу гостиной торшера, поблескивал хорошо знакомый мне предмет – черный, с матовым экраном и золотыми цифрами японский калькулятор (аппарат был большой, он едва помещался на Танькиной ладошке, но с ним моя жена с некоторых пор не расставалась ни на минуту, носила его в сумочке рядом с ключами, записными книжками, пудрой и губной помадой). Бросив переполненный презрением взгляд на продолжавший подмаргивать экран телевизора, Танька полотенцем промокнула глаза.

На прошлой неделе в посольстве Франции в наши заграничные паспорта были вклеены визы – мне и Таньке разрешалось десять дней пожить в Марселе, чтобы поторговать на Международной Выставке – ярмарке. На радостях (предстояла первая в жизни поездка за границу!) мы, вернувшись из посольства, выпили на кухне по чашке крепкого кофе, потом перешли в гостиную, открыли бутылку молдавского сухого вина, налили вино в две большие хрустальные рюмки и сели в кресла. И в очередной раз стали подсчитывать неизбежные в поездке траты.

Наибольшего расхода требовал бензин. Зная, что на Западе он стоит намного дороже, чем в Отечестве, мы планировали перед переездом границы под завязку загрузить вместительный бак «Форда» и про запас положить в багажник еще две заполненные топливом канистры...

Как и десять дней назад, Танькин калькулятор показал, что на поездку туда денег у нас хватит. По словам жены, этого нам вполне достаточно, чтобы, ничего не опасаясь, отправиться в дорогу. А когда я, как и десять дней назад, осторожно поинтересовался, мол, туда мы, допустим, доберемся – если автомобиль не развалится по дороге, – а на какие деньги приедем обратно, Танька тоном школьного учителя, которому донельзя надоело объяснять простые истины ленивым и глупым ученикам, повторила то, что я уже не раз от нее слышал:

– Мы едем не для того, чтобы посмотреть на замок Иф, в подвале которого сидел граф Монте – Кристо, или полюбоваться французской архитектурой, а также экспонатами марсельских музеев, – для этого времени у нас, к сожалению, не будет. Мы едем торговать: наш кооператив заплатил немалые деньги и арендовал девять квадратных метров площади в самом большом павильоне на Международной Выставке – ярмарке. И мы должны заработать! Конвертируем валюту! За одну, как у нас, матрешку французы с радостью выложат не меньше сорока франков!

Танькин оптимизм и на этот раз оказался сильнее моих сомнений.

И вот, когда все было так хорошо продумано и подсчитано, – подлая подножка министра финансов: подорожал бензин.

Я вопросительно смотрел на жену, время от времени косился на экран ее японского калькулятора. А Танька, помучив меня долгой паузой, наконец, захлопнула черную крышку своей игрушки, выключила телевизор и только после этого, улыбнувшись, объявила:

– Едем послезавтра!

– В Марсель, в Марсель!

Танька села в кресло.

«Что она придумала?»

Чтобы из – за новой цены на бензин заткнуть дыру в нашем по копейке рассчитанном бюджете, план жены предусматривал: во – первых, с завтрашнего дня в два раза сократить расходы на еду (предвидя мои страдания от неизбежного отсутствия за столом мяса, Танька выразилась дипломатично: «перейти на диетическое питание»), во – вторых, отнести в комиссионку заячью с лисьим воротником шубу, которую Танька, председатель районного Общества защиты животных, уже три года принципиально не надевала даже в самые лютые московские морозы.

– Нет таких трудностей, которые не придумали бы себе большевики! – глупо хихикнул я и, ни словом не возразив плану, обнял Таньку.

Глаза Таньки засветились, как в солнечный летний день васильки в поле. Очень хотелось ей повидать Марсель.

Мне тоже.

2

Через два дня рано утром на метро я приехал в кооперативный гараж «Выхлоп», где на третьем этаже в отдельном боксе стоял наш автомобиль – недавно купленный на одном из московских специальных базаров фиолетовый «Форд – сиера». Машине по документам было семь с небольшим лет, но мы с Танькой подозревали, что, подобно подвянувшей, но еще не потерявшей веру в свое будущее красавице, она с некоторых пор – благодаря милиционеру, который узаконивал российское гражданство автомобиля, – настоящий свой возраст скрывает (как скрывал милиционер сумму полученной за ту операцию взятки).

Когда «железный занавес», много лет перегораживавший Европу, стал постепенно раздвигаться – в Советском Союзе началась горбачевская «перестройка», – среди первых визитеров на цивилизованный Запад были молодые широкоплечие парни, которых из всех зарубежных соблазнов интересовали только рынки подержанных автомобилей. И рынки эти, благодаря парням, стали быстро оживать. Вместе с еще надежно державшимися на колесах «трехлетками» Европа повезла продавать срочно подремонтированные, подкрашенные старенькие «Фольксвагены», «Форды», «Пежо», прочие знаменитых фирм изделия, которые уже с трудом доживали свои последние полезные годы и еще недавно готовились отправиться не на автобазары, а на автомобильные свалки. Спрос на этот товар быстро повышался, и какие бы цены

ни называли продавцы, покупатели не торговались (далеко не полиглоты, они объяснялись на рынках в основном жестами и междометиями).

Купленные машины парни, надеясь выгодно перепродать, перегоняли на Родину, где на простенькие по качеству и достаточно дорогие «Жигули» («гордость отечественного машиностроения» – годами писали в газетах) все еще продолжали стоять многолетние очереди. С удовольствием сбросив нам бывшее в употреблении старье, Запад на одну позицию ослаблял наш вечный и многоликий дефицит.

Купленный нами «Форд» тоже был из – за границы. Несмотря на возраст, все части машины были на месте и радовали нас бесперебойной работоспособностью. Иногда, правда, переключая рычаг коробки передач, я будто слышал легкий щелчок где – то под днищем, но поскольку это случалось «иногда» и «будто», щелчок меня со временем перестал смущать.

Всякий раз прежде чем открыть дверцу «Форда» я, как бы ни спешил, хоть на миг замирал возле машины, чтобы полюбоваться ее ладной, гармоничной фигурой и ослепляющим глаза фиолетовым блеском. Мне иногда даже казалось, что этот блеск – проявление некоей мною еще не разгаданной духовной жизни моего железного друга.

– Ты машину любишь больше, чем меня, – ревнуя, говорила иногда Танька, хотя и сама испытывала к машине равнодушные чувства. Проявлялось это по – разному. Помню, откинувшись на спинку своего кресла, – мы в ту минуту стояли на Садовом кольце, ожидали зеленый светофор – Танька стала рассказывать мне сведения, которые, во – первых, я знал и без нее, во – вторых, в ту минуту они мне были ни к чему и даже мешали следить за светофором:

– Был Форд Джерард Рудольф – это американский президент. А нашего Форда звали Генри; его компания в год выпускает свыше трех миллионов машин...

Или жена вдруг начинала расспрашивать: «А можно машину мыть стиральным порошком?», «А резина от «Волги» к нашему «Форду» подойдет?». Или, наконец, когда мы выезжали даже на небольшую загородную прогулку, Танька на стоянках всегда искала воду, отыскав ее, брала в руки тряпку и усердно мыла машину, хотя вообще – то дело это она не любила, например, всегда охотно уступала мне очередь мыть на кухне грязную посуду.

Солнце уже взошло, но все еще загораживалось многоэтажными домами на восточной окраине Москвы, когда я выехал из гаража и по Кутузовскому проспекту поспешил к дому, где, пробудившись на три часа раньше обычного, нетерпеливо ждала меня уже приготовившаяся к путешествию Танька. А через полчаса, погрузив в багажник с вечера упакованные чемодан и три ящика с товаром, мы покинули наш тихий арбатский переулок и снова были на Кутузовском проспекте, только теперь машина, обгоняя солнце, мчалась в обратную сторону – на Запад.

3

Читателя, наверно, немало удивляет, почему я жену, уже не молодую девочку, называю Танькой. Хотелось бы, наверно, узнать читателю и про то, кто мы, откуда у нас какой – то кооператив, на какие деньги мы купили аж «Форд» (ну и что, что подержанный!), что это за Международная Выставка – ярмарка... Ответы на все эти вопросы сразу потребовали бы не одной страницы повести, а это, боюсь, надолго отвлекло бы нас от главного: читатель может забыть, куда и зачем мы с Танькой поехали. Поэтому здесь я пока проясню только самый простой для меня вопрос: почему «Танька» (а не Таня, Татьяна или, не дай Бог, Татьяна Ивановна)? Постепенно расскажу и об остальном – дорога у нас длинная, и не все на ней будет интересным настолько, чтобы не отвлечься на воспоминания.

Итак, о «Таньке».

Познакомились мы в студенческую пору – в К...ском университете. Поумнели ли мы за пять лет учебы, для нашей повести значения не имеет, отмечу лишь один попутный резуль-

тат: за месяц до того дня, когда нам вручили дипломы и темно – синие университетские ромбики с золотым гербом посередине, в районном загсе нам с Танькой выписали еще один документ – «Свидетельство о браке».

До сих пор убежден, что подтверждавший этим документом поступок мы совершили вовремя.

Обычно как возникают семьи? Он встречает – часто случайно – ее, какие – то детали в ее внешности пробуждают некий приятный трепет в молодом и неопытном сердце, на другой день, если трепет усиливается, начинается игра... Прозаично? Можно стихами: «Ах, обмануть меня нетрудно! Я сам обманываться рад!»... И только через годы (иногда месяцы), когда оба сердца уже быются ровнее, глаза и у него, и у нее не затуманены безрассудным волнением, а ум трезвеет, супруги начинают по достоинству оценивать друг друга. И в это время, к сожалению, возможны не только приятные оценки.

Студенческим семьям, убежден, реже других свойственны подобные переживания. За пять лет молодые люди хорошо разберутся в самом труднодоступном – духовном мире друг друга, и к тому дню, когда они пойдут в загс, они уже твердо будут знать, что любят друг друга не только телом, а и душой – у них будут общие интересы, общее понимание жизни, им уже не придется спорить по поводу того, что по – настоящему должно волновать человека и чем должен жить человек. И, поженившись, супруги надолго сохраняют привычку звать друг друга так, как звали на первом курсе.

Когда я слышу «Татьяна Ивановна», жена отдаляется от меня, отчуждается, уплывает в общую толпу, я начинаю думать о ней, как думаю обо всех, начинаю вспоминать то, что вспоминать мне не хочется. В такие минуты у Таньки, увы, уже и просесть в волосах, и талия излишне уширена, и утреннюю зарядку она делает только убоявшись моих обличений. В последнее время с некоторой тревогой я думаю и о деле, которому жена с излишним, как мне кажется, энтузиазмом отдается сейчас. Мне почему – то делается неловко, когда я слышу, как она (эстет! специалист по балканской литературе; знаток «романтического интимизма» и «абстрактного интеллектуализма»!) торгуется, например, с известным пока только в московских подземных переходах длинноволосым живописцем:

– Сколько, Юра, стоит ваша картина?

– Я, Татьяна Ивановна, хотел бы получить тысячу рублей.

– Могу объявить, что она стоит и две тысячи, только кто за нее даст такие деньги?

– Ну, давайте, Татьяна Ивановна, объявим: пятьсот...

Не люблю я слышать «Татьяна Ивановна»!

Вот когда я говорю (конечно, не при малознакомых людях, а в домашней обстановке) «Танька», я забываю о пополневшей фигуре, не замечаю ни огорчительных следов времени на лице жены, ни некоторой подпорченности Танькиного характера (думаю, что в последнем случае немалую роль сыграли те самые «огорчительные следы», которые я-то не замечаю, а сама Танька, вздыхая, подолгу ретуширует их перед зеркалом). С «Танькой» со мною рядом – прежняя юная студенточка в ситцевом платице и с модной короткой стрижкой, в чьих голубых глазах я уже к четвертому курсу разглядел тот омут, в который мне отчаянно захотелось прыгнуть.

Так что пусть в повести будет «Танька», не лишайте меня приятных иллюзий.

4

На московских улицах «Форд» фыркал и сердито урчал – ему, наверно, не нравились небольшая скорость и частые остановки у светофоров; вспоминалась стремительная жизнь с ветерком на широких, как стадионы, европейских автобанах.

У последнего городского перекрестка на обочине дороги «голосовал» малорослый, с чемоданчиком у ног и в кепке на голове человек.

– Не будем останавливаться, – покосился я на Таньку. – Зачем зря терять время?

Танька успела возразить:

– Подберем! – и повторила слова, которые я когда – то услышал в своей редакции и при случае пересказал жене: – Даже маленький гонорар не сделает нас беднее.

Я остановил машину. Схватив чемоданчик, человек подбежал к нам и зачем – то снял с головы матерчатую кепку с длинным козырьком. Танька приоткрыла дверцу:

– Далеко?

– До Сафонова. Это триста километров. Я заплачу.

– Ну, разумеется.

Жена кивнула на заднюю дверцу машины.

«До Сафонова триста двадцать километров», – вспомнил я, но вслух мелочиться не стал.

А потом до Внуково осуждал себя за легкомыслие и, как всегда, когда дело касалось денег, соглашался с Танькой: «А ведь и правда, даже маленький гонорар...».

Еще не дышавшее зноем солнце (впрочем, против зноя наш «Форд» был вооружен кондиционером), голубое небо, справа и слева лес, ну и, конечно, надежда через несколько дней увидеть незнакомую нам жизнь – все это наполняло наши души радостным волнением. Танька даже запела (у нее хороший музыкальный слух, в университете она в духовом оркестре играла на флейте).

Держась за руль, я время от времени косился на стрелку, показывавшую расход бензина. Мне казалось, что стрелка опускается слишком быстро (это случалось всякий раз в первые дни после каждого повышения цен на бензин).

Когда Танька замурлыкала популярный городской романс, сидевший сзади пассажир неожиданно стал тихо вторить. Голос у него оказался красивым, он легко брал верхние ноты и безошибочно находил терцию.

Танька перестала петь и обернулась, пассажир тоже замолчал и – я это заметил в зеркале – заметно покраснел.

– Извините... люблю романсы. Когда – то учился в педучилище, у нас был хор.

– И вы там солировали? Как вас зовут?

В последнее время жена легко и бесцеремонно знакомилась с разными людьми. Среди наших новых знакомых вдруг оказывались полуподпольные мастера ювелирных изделий, хитроватые провинциалки, торговавшие на рынке деревянными поделками, специалисты по картонной таре, вязальщицы; были люди и вовсе подозрительной принадлежности.

– Николай. Можно Коля. Я и сейчас пою – в небольшом церковном хоре.

Пассажир, кажется, уже преодолел естественное для первых минут знакомства смущение, и Танька не упустила возможности поговорить с ним.

– Так вы, Коля, учитель?

– Был. Работал в селе, не понравилось.

– Что ж так?

Вздыхнул:

– За хлебом надо было пешком ходить за десять километров. Мне было нетрудно – было стыдно.

– Куда ж смотрело сельское начальство?

– Смотрело в сторону районного начальства. А оттуда что ни день – звонок: «Как виды на урожай?», «На сколько перевыполните план по пшенице?», «За поросят отвечаете головой!».

– И вы...

Николай скривил губы:

– Когда стало совсем тоскливо, я в печке сжег учительский диплом, подпер колом двери временки, которую снимал за десять рублей в месяц, и пешком ушел из села.

– Бросил учеников, школу... Никого не пожалел? – терзала попутчика Танька.

– Жалко было молоденькую директоршу – за три года на моих глазах она стала законченной психопаткой.

– И все из – за хлеба?

– По – Марксу: из – за идиотизма деревенской жизни.

Николай виновато улыбнулся. Зря Танька заставила его вспоминать...

Проехали молча километров пять. Когда машина миновала поворот на Гжатск, Танька продолжила свой диалог с попутчиком.

– Как, Коля, излечиться от идиотизма, я пока не знаю. А вот о вашем хлебе... Я бы, Коля, поступила так: собрала тех, кто ходит за хлебом за десять километров, и предложила сообща купить домашнюю пекарню – одну на всех. Недавно я видела такую пекарню в магазине – цена в разумных пределах.

– Надо еще принести из города мешок муки, – дополнил я Танькин план спасения сельской интеллигенции.

– Муку можно купить на месте. А в городе надо присмотреть дрожжей, – огрызнулась Танька.

– И соли по вкусу, – продолжал я дразнить жену. – Коля напечет свежих булочек, накормит изголодавшуюся интеллигенцию, а остатки продаст коренному населению. И труженики полей вместо самогонки начнут пить молоко и закусывать горячими булочками.

Танька повернула в мою сторону сердитое лицо:

– Твои шутки, как всегда, неостроумны.

Заметно было, что Коля разговором взволнован.

– Домашняя пекарня, – помолчав, сказал он, – это, конечно, неплохо. И доступно. Но мы никогда не купили бы себе такую пекарню... мы еще не научились уважать себя, не бояться жизни.

«Признался бы, что поленились, понадеялись, что кто – то пошевелится вместо них... как часто все мы, оправдывая себя, вокруг ясного дела нагоняем «умный» туман, разводим бесплодный треп».

...За Вязмой разговор вяло вязался уже вокруг разной чепухи. После того, как Танька к слову упомянула, что лягушки (она знает все и о лягушках) появились триста пятьдесят миллионов лет назад и первыми вышли из моря на землю, Николай рассказал:

– А я два лета жил лягушками – промышлял их в дунайских плавнях, возле Вилково. Знаете такой город?

Танька знала.

– Это на Украине, Дунай там впадает в Черное море. В Вилково живут старообрядцы – не бреют бороды и по – русски говорят так, как говорили при Борисе Годунове.

– А в плавнях водились тогда большие лягушки. За ними приплывало французское судно, специально приспособленное для перевозки живых земноводных. Лягушек ловили и продавали французам местные мужики, и я с ними. Неплохо платили.

«Интересно, сколько он заплатит нам, – уже не в первый раз за дорогу подумал я. – Танька, конечно, могла бы сразу договориться...».

Дорога не позволяет шоферу отвлекаться на лишние размышления, и все – таки нет – нет да и лезли в голову мысли о «презренном металле» (так когда – то назвал деньги наш остроумец Писарев).

Всю жизнь я жил с оглядкой на всех, от кого зависел мой жалкий кошелек: на государство, которое давало мне работу и платило скромную зарплату; на начальство, которое мою зарплату могло повысить или понизить; на профсоюз, который мог дать, а мог и не «выделить»

дешевую путевку в дом отдыха; и, конечно, на партию, у которой было право отобрать у меня все деньги вместе с кошельком. Я заискивал даже перед дежурным секретарем редакции, который «рисовал» очередной номер газеты, – он мог «поставить» мой материал и мог не «поставить», а мой материал – это не только капля профессиональной славы, а и гонорар, на который можно было купить, например, себе туфли, или Таньке кофточку, или сыну Вовке штаны.

Экономили на всем...

Уже писали «заморскими» шариковыми ручками, но, когда кончалась в них чернильная паста, ручки не выбрасывали: были мастера, которые при помощи нехитрого насоса пластмассовую трубочку, израсходовавшую внутренности, наполняли новой пастой, «шарик» восстанавливал способность писать, только пачкал руки... В продуктовых «наборах», которые продавали на работе к праздникам, иногда были металлические крышки для домашнего консервирования... Были специалисты, которые машинкой, похожей на медицинский шприц, возрождали к жизни рваные женские капроновые чулки... Мы не имели права быть богатыми. Богатый человек независим, самостоятелен, может и на власть покоситься...

Сейчас, кажется, можно зарабатывать денег столько, чтобы жить, ни на кого не оглядываясь.

А сколько это – чтоб «ни на кого не оглядываясь»?

Танька в ответ на этот вопрос молчит, а я думаю так: заработав на «хлеб насущный», надо вовремя «тормознуть», чтобы не потратить себя на лишнее...

Миновали мост через Днепр. Солнце было в зените, когда «Форд» остановился у полуразрушенной придорожной будки.

– Сафоново.

Наш пассажир нацепил на голову длинный козырек, взял в руки чемоданчик и вышел из машины. Сам открыл Танькину дверцу, протянул руку к горизонтальной панели у лобового стекла и раскрыл потную ладошку. В мелкий пластмассовый ящичек глухо простучали монетки.

– Спасибо, – закрывая дверцу, Николай густо покраснел.

Мы уже поняли причину его волнения, но дружески попрощались с ним.

Первый наш заработок в поездке был... сорок копеек.

«Наверно, Танька переживает»... Когда машина набрала скорость и вместо городских дачных домиков по бокам магистрали опять замелькали редкие сосны, я решил отвлечь жену от грустных мыслей.

– Обо всем поговорили, даже о лягушках, а вот спросить, зачем он приехал в Сафоново, так и не спросили, – сказал я, будто мне и в самом деле было интересно, зачем Коля приехал в Сафоново.

Но Танька легко угадала, о чем я думаю. Она наклонилась к моей правой щеке и, улыбаясь, прикоснулась к ней влажными губами.

А потом – до самого Смоленска! – мы весело хохотали.

Пока Танька не распорядилась:

– Сорок копеек оставь у стекла. Это – наш талисман.

Глава вторая. Окно в Европу

1

Чтобы немного отдохнуть, мы остановились на небольшой полянке у правого берега все еще не покидавшего нас Днепра. Вышли из машины. Медовые запахи воздуха пьянили...

– Здесь древние скандинавы ремонтировали лодки...

– Некоторые задерживались тут надолго, служили в дружинах «русов»... Киевский князь Олег в 907 году, когда стоял под Константинополем, для переговоров с греками послал дружинников Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида.

– Как ты все это запоминаешь, Танька?

– Не знаю... само запоминается.

Но о варягах долго думать не хотелось.

– Здесь летом в первый год войны на месяц задержали немцев. Отличился Тимошенко.

– Маршал! Через год из – за упрямства положил на юге две армии.

Мне редко удается рассказать Таньке что – то не известное ей...

Солнце, не торопясь, по ясному небу клонилось к западному горизонту. Длинной стрелой магистраль разрезала густой сосновый лес.

Я повернулся к Таньке:

– За этими соснами – Катынь.

Танька молча покивала подбородком.

«Возле Катыни – могилы расстрелянных сталинскими палачами поляков».

Танька читает мои мысли.

– Не любил Сталин поляков.

– А кого он любил? Всех друзей, даже грузинских, расстрелял.

– Поляки были главными врагами.

...Недавно в государственных архивах России открылись раньше засекреченные фонды, в печать попали даже некоторые документы госбезопасности.

Вспоминаю один такой документ.

Оказывается, золото на Колыме геологи нашли до революции. Но осваивать месторождение цари не стали: там – вечная мерзлота, река триста дней в году скована льдом, даже олени в иную зиму гибнут от холода. Но нам, как известно, «нигде нет преград». В тридцать втором году летом на золотые прииски привезли двенадцать тысяч заключенных, их охраняли две с половиной тысячи солдат с овчарками, – зимой замерзли все, даже собаки. Через год из тридцати двух тысяч эков перезимовали чуть больше шестисот. В следующем году мороз погубил сорок восемь тысяч душ – весь *контингент*! Летом тридцать пятого сюда снова прибыли тридцать восемь тысяч заключенных...

– Человек в том нашем государстве был только средством производства – как лом, лопата, кирка... – пересказываю я документ Таньке.

Она устало отзывается:

– Такова природа *таких* государств.

...Так мы, проезжая через пахнущий смолой и грибами лес, думаем и говорим о времени, в котором довелось нам родиться и печать которого теперь уже навсегда останется и на образе наших мыслей, и на наших душах и характерах.

Танька, похоже, начинает сердиться – или на меня, который и на этот раз рассказывает ей то, что она и сама знает, или на государство, в котором унижали человека, или она просто устала и, я знаю, скоро на несколько минут заснет в кресле.

Мне уставать нельзя.

2

К середине дня погода стала портиться. Навстречу нам на горизонте всплыли невысокие белые гребешки; лениво поднимаясь, они постепенно превращались в серые тучи, тучи заволакивали все большую часть неба и через полчаса уже наглухо закрыли солнце.

Танька заскучала – она не любит пасмурную погоду. «В ненастья я хочу только спать», – как – то призналась она. А мне хотелось, чтобы пошел дождь. Радуюсь тучам, я говорил про себя – позволяя некоторую торжественность в словах: пусть голубое небо будет остужено этим дышащим влагой огромным черным полотнищем!

Вскоре дождь крупными каплями пробарабанил две короткие очереди по крыше машины и вдруг полил упругими струями. За стеклами машины все стало черно – белым, асфальт заблестел и закурился невысоким туманом.

Сразу похолодало. Танька, не просыпаясь, подтянула к подбородку «молнию» куртки; я включил кондиционер на «тепло».

К границе подъехали, когда стемнело. Дождь к этому часу прекратился, лишь иногда лениво брызгал на лобовое стекло безвольные струйки. Но рассердившаяся погода не торопилась успокаиваться: вдруг поднялся ураганный ветер, он гнул деревья (лес подступал прямо к нашей дороге), ломал на них сухие ветки и зло швырял этот мусор на магистраль, прямо нам под колеса. Держась за руль, я чувствовал, как, упираясь в бок машины, ветер упорно старался забросить тяжелый «Форд» в кювет или разбить его о деревья.

– Ты не устал? – не отрывая глаз от освещенного машиной куска асфальта, спросила Танька.

От ее участия у меня прибавляется сил.

– Зато, Танюш, через пять минут будем у государственного шлагбаума!

Несмотря на длинную, утомившую и меня, и Таньку дорогу, мы не теряли бодрого настроения.

Раздвигая лес, магистраль круто повернула вправо, и мы сразу поняли, что подъехали к границе: наша машина, подчинившись жесту укрытого плащ – палаткой милиционера, остановилась в хвосте длинной автомобильной колонны, начало которой скрывалось где – то далеко – далеко, в белесом, освещенном прожекторами тумане.

– Что это? – с трудом выговорила Танька.

Хотя нам обоим уже было понятно: к пограничному шлагбауму стояла длинная очередь.

«Как быстро движется эта очередь?»

Я выключил мотор. Фыркнув в очередной раз, «Форд», будто утомившийся зверь, погасил фары и покорно замолк.

Я облокотился на спинку кресла и опустил на колени уставшие руки.

3

Ветер, кажется, слегка утих.

Я вышел из машины, надел теплую куртку и направился к мужчине, кутившему на обочине, – как выяснилось, это был водитель стоявших перед нами «Жигулей».

– Как быстро движется очередь?

Сосед сердито сплюнул в темноту.

– А она вообще не движется.

– ??

– Посмотри... – он проводил взглядом «Мерседес», который по свободной полосе, слева от нашей колонны, промчался в сторону горевших в тумане прожекторов. – Тут зарабатывает *бабло* милиция. Видишь, – показал на фигуру в плащ – палатке, – он поднес ко рту переговорник, сообщает дежурному у шлагбаума, мол, *этого* пропусти... Я давал ему деньги – не берет.

– Берут в городе, в «отделении». Там сейчас сидит служилый, у которого на погонах звездочек больше, чем у этой «шестерки» в плащ – палатке.

Когда я злюсь, голова у меня светлеет и думает плодотворнее.

В машине я пересказал разговор Таньке.

В ответ жена только вздохнула. Взгляд ее, неподвижно сидевшей в кресле, в те минуты был устремлен в бесконечность, а голова, наверно, комбинировала разные умные мысли, из которых надо было выбрать самые умные.

– Сказал «не берет»? – Танька, наконец, пошевелилась и повернулась к окну, стараясь разглядеть в темноте стоявшего рядом с нами милиционера. – Мало давал.

Мимо нас, лишь на секунду останавливаясь возле правоохранителя в плащ – палатке, каждую минуту проносились одинаковые – или в темноте только казалось, что они были одинаковыми? – черные легковушки.

Слева от дороги, на опушке леса, горел яркий костер. Слышно было, как, пожираемые огнем, стреляли в небо сырые дрова. Чтобы не мешать Таньке думать, я направился к огню – без ясной цели и в скверном состоянии духа.

Вокруг костра топтались человек десять – водители и пассажиры стоявших в неподвижной очереди машин. Разговаривали вяло – как видно, только для того, чтобы незаметнее скоротать время. Широкоплечий крепыш в черной кожаной куртке объяснял маленькому тощему мужичку, закутанному в одеяло (тому, очевидно, и в одеяле было холодно – он заметно дрожал и старался держаться поближе к костру):

– ...много времени тратим на самое бесполезное – на разговоры о мешающих нам жить обстоятельствах.

– Многим мешает еще зависть, – простуженным голосом вставил реплику стоявший напротив куртки. Был он в одном спортивном костюме; на трикотажных брюках по бокам белели широкие лампасы.

– В результате сил на дело не остается.

– А у того, кто ничего не делает, всегда много помощников...

– Тут, братцы, если хотите, проблема в психологии, – из темноты выдвинулся и присел на корточки новый собеседник. Костер ярко осветил его: мужчина в летах был в черной стеганке, джинсах, ноги его были обуты в крепкие, военного образца, ботинки; длинное лицо украшали дорогие очки и седая клинышом борода. – Как появляются обеспеченные люди? Я, конечно, не говорю о тех, кто разворовал наши заводы и недра, или о мелких паразитах, таких, как наш милиционер, – борода кивнул в сторону дороги, – говорю о нормальных людях, которые захотели стать обеспеченными и стали.

– Сейчас все хотят стать богатыми, – опять вмешался в разговор тот, что был в брюках с белыми лампасами.

– Тут одного хотения мало. Некоторые мечтают, – протянув к костру руку, говоривший чуть не коснулся ладонью пламени костра и стал загибать пальцы, – мечтают получить наследство, выиграть в лотерею, выйти замуж за иностранца... – хотят разбогатеть ничего не делая. Они обречены проигрывать.

– А когда проиграют, громко скулят – у них виноваты все, но только не они сами, – подтвердил мысль тот, что был в кожаной куртке.

– А другие, – галантно поклонившись единомышленнику, продолжал борода, – напрягают мозги: а что я могу сделать, чтобы заработать, – пусть сегодня немного, завтра еще немного, потом еще. К сожалению, таких у нас пока мало.

– Как мало! – тощий мужичок, с трудом придерживая одеяло левой рукой, правую руку протянул в сторону дороги. – Посмотри, сколько машин скопилось!

Борода покачал головой:

– Надо больше. Намного больше.

– Ну, а... личный пример? – дипломатично полюбопытствовал тот, что был в штанах с лампасами.

– Хочу открыть конструкторское бюро. Есть небольшое помещение. Знакомых ребят, мозги которых, к сожалению, негодились нашему государству, у меня сейчас шесть человек. Нет денег, чтобы оборудовать лабораторию, поэтому и сижу среди вас – везу продавать матрешки.

«Уж не на Выставку ли в Марсель, – подумал я, вспомнив о матрешках в багажнике нашего «Форда». – Конкурент?..»

4

Мои коммерческие размышления прервало давно ожидаемое событие: у нескольких машин, стоявших в голове очереди, заурчали моторы. Захлопали дверцы легковушек, туман, все еще укрывавший остаток ночи, прорезали вспыхнувшие десятки автомобильных фар. Очередь готовилась сдвинуться с места!

У костра засуетились.

– Тушим огонь! – крепыш в кожаной куртке схватил длинную палку и стал ею раздвигать ярко горевшие поленья. Угли гасли и густо дымили.

Тот, что был в очках и с бородкой клинышком, уходя от костра, сказал водителю в спортивном костюме:

– Давай, Паша, ключи, я продвину и твою машину. А ты тут все хорошо потуши и засыпь землей.

– Сделаю, Алексеич...

Я в очередной раз тепло подумал о людях, к которым уже чувствовал корпоративную близость.

И поспешил к «Форду».

Спрятав подбородок в воротник куртки, Танька спала, улыбаясь во сне. Наверно, ей снился Марсель. Я сел за руль и вовремя включил мотор: стоявший перед нами «жигуль» медленно пополз вперед.

Проехали метров двадцать.

Танька проснулась. Узнав от меня новости, повертелась в кресле, всмотрелась в темноту и, зевнув, сообщила:

– А милиционера на дороге уже нет.

Я повернул голову к окну – там, где еще недавно важно топтался человек в плащ – палатке, действительно никого не было.

Через час очередь продвинулась еще метров на двадцать.

На том месте, где стоял милиционер, появилась кучка веселых молодых парней. Потолкав плечами друг друга и обменявшись короткими смешками, они через минуту разбрелись вдоль автомобильной очереди.

К нашей машине не спеша подошел худощавый, узкоплечий, невысокого роста хлопчик лет двадцати. Наклонился к моему открытому окну, и, минуя меня взглядом, галантно улыбнулся Таньке:

– Не пожелает ли мадам проехать без очереди?

Я собрался было объяснить непростому благодетелю, что его предложение безнравственно и глубоко оскорбительно для нас, но Танька энергично отодвинула меня к спинке кресла и, облокотившись на мои колени, строго спросила:

– Сколько?

– Двадцать.

– Долларов?

– Ага.

– Как тебя зовут?

– Ваня.

«Этот Ваня возьмет деньги и смоемся».

Танька, видно, опасалась того же.

– Когда платить?

– За первым пограничным шлагбаумом.

– Договорились.

Оторвавшись от окна, Ваня быстрым шагом пошел к началу очереди. Через несколько минут вернулся и сообщил:

– Надо десять долларов заплатить пограничникам. Я принесу квитанцию.

Танька достала из сумочки десять долларов.

Ваня опять исчез. Прошло пятнадцать минут, двадцать... У машины, хихикая, зароились несколько парней. Открываю дверцу:

– А где, ребята, ваш Ваня? Он что, обманул нас? Насовсем исчез?

Широкоплечий бычок расплывается в улыбке:

– Да вы чио! Ванятка – честный парень. Счас придет.

И Ваня действительно через минуту появился. В руках у него была бумажка, похожая на трамвайный билет. Когда он отдал мне эту «квитанцию», я разглядел на ней едва заметный оттиск печати и синим «шариком» написанную цифру десять.

Просунув голову в окно машины, Ваня объяснил наши дальнейшие совместные действия:

– Как только подам знак – я, чтоб вы меня видели, буду стоять на обочине. – выруливайте на левую полосу; я запрыгну к вам в салон. На максимальной скорости едем к шлагбауму – он в это время будет открыт, пограничники разрешат въехать нескольким машинам из очереди. Я отдам пограничнику квитанцию, – он взял из моих рук и положил в карман куртки «трамвайный билет», – и нас пропустят. За шлагбаумом пристроитесь к небольшой очереди. Тут рассчитаемся.

И минут через десять он подал знак!

Все продолжилось по плану Ванятки: вырулили, запрыгнул, подъехали, провожатый наш сунул пограничнику бумажку... Поэтому, читатель, чтобы не рассказывать то, что теперь ты и сам легко можешь себе представить, передвинем сюжет нашей повести через пограничный шлагбаум на маленькую площадку, где, уже рассчитавшись и попрощавшись с Ваней, мы стоим в небольшой очереди и с любопытством ждем, что будет дальше.

5

Здесь все было освещено укрепленными на высоких столбах прожекторами; справа и слева от нас шли ряды невысоких служебных строений, в промежутках между строениями

видны были высокие загородки из колючей проволоки. От яркого света казалось, что ночь, которая, судя по часам, должна была уже чуть – чуть ослабнуть, сгустилась еще сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.